

— Император, Мо Гунцзы передал, что проголодался и просит Вас вернуться во Дворец Цаньцин к трапезе.

Сердце Сюань-юань Цюцзюэ, до этого замирающее в тревоге, тут же опустилось на место, но следом его сменил гнев.

Проголодался?

Позвать его лишь ради такой пустяковой и никчемной просьбы — негодяй! Неужели Можань считает его слугой, которого можно по первому зову призывать и прогонять?

— Не пойду! — в порыве раздражения бросил он, помрачнев и приказав стражникам прогнать евнуха.

Его красивое лицо посинело от злости. Он снова обвел взглядом главный зал, где сотни дворцовых служанок в красных шелковых нарядах сновали туда-сюда с позолоченными подносами, а аромат изысканных блюд и вина витал в каждом уголке дворца.

Глядя на ломящиеся от деликатесов столы, Сюань-юань Цюцзюэ вдруг совершенно потерял аппетит. Он взял золотые палочки для еды, но тут же с глухим стуком опустил их обратно.

В этот момент изгнанный евнух вернулся, опустился на колени и, дрожа от страха, пролепетал:

— Докладываю Вашему Величеству, раб исполняет приказ Мо Гунцзы и просит Вас немедленно... немедленно вернуться во Дворец Цаньцин.

— Я сказал, что не пойду. Проваливай и передай ему это, — голос Сюань-юань Цюцзюэ стал еще ниже, в нем клокотала подавленная ярость.

— Слушаюсь... но, Ваше Величество... Мо Гунцзы... — Можань передал дословно: если через полпалочки благовоний он не появится, то может больше не появляться вовсе. Конечно, евнух не осмелился сказать это прямо, лишь продолжал дрожать на коленях, не решаясь уйти.

Гнев императора был страшен, но Мо Гунцзы, ждущий во Дворце Цаньцин, был не менее пугающим. От одного взгляда его ледяных глаз конечности немели.

Даже какой-то мелкий евнух осмелился ослушаться! Сюань-юань Цюцзюэ так крепко сжал кулаки, что суставы хрустнули; он был в шаге от того, чтобы потерять сознание от ярости.

— Вон отсюда! — его хриплый крик заставил шумное празднество на мгновение стихнуть. Только тогда все заметили, что густые брови и пронзительные глаза их императора налились кровью, а лицо, словно высеченное из камня, стало мертвенно-бледным.

Гнев Сына Неба заставил всех затаить дыхание. Евнух в ужасе, перебирая дрожащими руками и ногами, попятился прочь в задние покои.

Подавляя негодование, Сюань-юань Цюцзюэ машинально взял золотые палочки и уже подцепил кусочек ветчины, намереваясь положить его в чашу, как вдруг передумал. Глядя в сияющую золотую чашу, он, не сводя глаз с пустоты, позвал евнуха:

— Постой... все же не говори ничего. Подожди снаружи, я подумаю...

Евнух в изумлении вытаращил глаза, но тут же пришел в себя, опустил голову и попятился в задние покои ждать решения.

Заметив его удивленный взгляд, Сюань-юань Цюцзюэ почувствовал, как на его посиневшем лице проступил легкий румянец смущения. Только что он с пеной у рта кричал, что не пойдет, а теперь засомневался — действительно, терять лицо не хотелось. Однако, вспомнив крутой нрав Можаня, он не мог не колебаться...

Редко когда Можань сам ищет встречи. Если он не явится сейчас же, вполне возможно, что в будущем такой возможности уже не представится. На красивом лице Сюань-юань Цюцзюэ появилась горькая усмешка: в вопросах любви перед Можанем он всегда был в проигрышном положении.

Пока он кривился в усмешке, к нему подошел личный евнух и пригласил полюбоваться фейерверком. Сохраняя бесстрастное лицо, он вышел из зала и поднял голову к сияющему небу, но мысли его уже давно улетели во Дворец Цаньцин.

Ждет ли он еще? Повсюду во дворце гремят песни и пляски, царит веселье, и только во Дворце Цаньцин, вероятно, по-прежнему стоит тишина. Тот холодный и изящный образ, что так дорог его сердцу, — сейчас он прислонился к дверному проему в ожидании или же дует, потому что никто не пришел? Скорее всего, ни то, ни другое в реальности невозможно... Наверное, Можань по-прежнему холодно и отстраненно сидит под лампой и читает книгу.

Может, при случае стоит самому разучить те внутренние техники Культа Демонов, что позволяют забыть о чувствах и привязанностях?

Смешанные чувства теснились в груди. После тяжелого вздоха он наконец поджал губы, взмахнул рукавом и, оставив озадаченных чиновников, направился в сторону Дворца Цаньцин.

□□□

Он двигался по извилистым коридорам гораздо быстрее обычного, на ходу пресекая попытки евнухов доложить о его прибытии. Отослав всех сопровождающих, он подобрал полы своего ярко-желтого халата и, ступая бесшумно, вошел в опочивальню.

Как он и ожидал, у двери не было ожидающего силуэта, не было слышно ни шума, ни ссор. Во Дворце Цаньцин по-прежнему царила тишина, не слышалось ни звука.

Можань любил покой, поэтому, когда Сюань-юань Цюцзюэ здесь не бывал, в покоях не оставалось ни служанок, ни евнухов. В обычное время этого не замечалось, но сейчас, идя в одиночестве, он ощутил пронзительное чувство пустоты.

Миновав искусный ширму с резьбой по лаку, он увидел, что в дрожащем свете ламп источник его дум, свернувшись калачиком, глубоко спал на круглом столе из сандалового дерева.

Длинные, чернее сажи волосы отливали мягким блеском в оранжевом свете, гибкая спина мерно вздымалась при дыхании. Эта картина, полная ритма и гармонии, заставила гнев, который Сюань-юань Цюцзюэ с таким трудом подавлял в глубине души, вспыхнуть с новой силой.

Сцепив зубы, он подошел, и его тяжелые, как раскаты грома, шаги разбудили Можаня. Увидев, как тот открывает затуманенные глаза, император уже собирался было обрушиться с обвинениями, но внезапно заметил на столе маленькую чашу.

В изящной, вырезанной в форме лотоса чаше из красного лака лежала белоснежная лапша, а в прозрачном бульоне плавало несколько зеленых перышек лука.

Сюань-юань Цюцзюэ застыл, словно громом пораженный. Он знал, что перед ним не просто лапша; по толщине и длине такую обычно называют лапшой долголетия.

— Это... для меня?

— Почему ты вернулся?

Оба вопроса прозвучали почти одновременно. Сюань-юань Цюцзюэ смущенно и растерянно смотрел на лицо Можаня, на котором играл легкий отблеск гнева. Тонкий румянец проступил на бледных щеках, уголки длинных глаз приподнялись, а ледяные глаза сверкали.

— Это... ты сам приготовил?

Переспросив, Сюань-юань Цюцзюэ в неверии протянул руку, но едва коснулся края чаши, как та была молниеносно выхвачена из-под его пальцев.

После череды ослепительно быстрых движений рукавов он увидел Можаня, который опустил голову и крепко прижимал чашу к груди. Сюань-юань Цюцзюэ понял: дело плохо! Он попытался тихо позвать:

— Можань...

Можань не ответил. Под тяжестью черных волос виднелась лишь тонкая белая шея, плечи под небесно-голубой домашней одеждой слегка дрожали, а пальцы, сжимавшие чашу, побелели. От недовольства или от гнева? Сюань-юань Цюцзюэ даже не смел предполагать.

— Я был занят весь день, проголодался... Дай мне попробовать кусочек, хорошо? — осторожно наблюдая за ним, он попытался потянуться к чаше, но, как и ожидалось, Можань ловко увернулся.

Сюань-юань Цюцзюэ не сдавался. Можань сидел на табурете, его верхняя часть тела покачивалась, словно ива на ветру. Казалось, он был совсем рядом, но Сюань-юань Цюцзюэ никак не мог коснуться хотя бы края его одежды.

В этой бесконечной череде попыток схватить и увернуться из чаши в руках Можаня не пролилось ни капли бульона. Восхищаясь его мастерством, Сюань-юань Цюцзюэ в то же время чувствовал все большее беспокойство.

Кажется, он действительно рассердился... Нахмутив густые брови, Сюань-юань Цюцзюэ наконец оставил попытки отобрать еду, опустил руки и смиренно сказал:

— Можань, сокровище мое, не сердись! Да, я вернулся поздно, но всего лишь немного поздно.

Можань по-прежнему молчал, не поднимая головы. Сюань-юань Цюцзюэ пришлось продолжать:

— Ну же, хороший мой, я был весь день в делах... никак не мог освободиться.

Наконец Можань поднял глаза и холодно спросил:

— Занят чем?

— Ну... это... — под пронизывающим, как лед, взглядом его глаз Сюань-юань Цюцзюэ на мгновение растерялся и не нашелся, что ответить. Лишь спустя время он пробормотал: — Хорошо, во всем виноват я... мне следовало вернуться раньше. Если бы я знал, что мой дорогой Можань приготовил для меня лапшу долголетия, я бы прилетел сюда на крыльях.

Если бы он знал, что Можань не только помнит о его дне рождения, но и приготовил лапшу, он бы бросил всё и примчался сюда, а не раздувал в себе непонятно какую обиду!

Глядя на приниженного Сюань-юань Цюцзюэ, Можань задрал голову, холодно фыркнул и лишь тогда соизволил поставить чашу обратно на стол.

В отличие от его неспешных движений, Сюань-юань Цюцзюэ почти бросился к столу.

— Не могу поверить... я так тронут! Можань, ты так добр ко мне!

Сидя на табурете, одной рукой обнимая чашу, а другой — плечи Можаня, он светился от счастья. Его возлюбленный, всегда такой холодный и равнодушный ко всему, лично приготовил ему лапшу — это было лучшим доказательством их любви.

Прекрасные ледяные глаза на мгновение задержались на лице Сюань-юань Цюцзюэ, и Можань, опустив ресницы, тихо проговорил:

— Когда мой наставник был жив, он каждый год готовил мне эту лапшу. Я никогда раньше этого не делал, не знаю, вкусная ли она.

Его ровный, лишенный эмоций голос для Сюань-юань Цюцзюэ звучал слаще любой музыки.

— Все, что приготовил мой Можань, вкусно! Я всё съем!

При нынешнем восторге он бы с удовольствием съел даже сухую лепешку.

Даже наставник, о котором говорил Можань, вдруг показался ему милым человеком. Хотя тот и научил Можаня быть холодным и бесчувственным, хотя он наполнил его голову безумными теориями Культа Демонов, хотя на его счету было немало злодеяний — по крайней мере, он совершил одно доброе дело: научил Можаня варить лапшу долголетия!

— Смотри! Как красиво цвет лапши сочетается с чашей! От одного взгляда у меня аппетит разыгрался, а на вкус она наверняка еще лучше, чем на вид.

Услышав лестные слова, Можань слегка улыбнулся. Он больше не смотрел на Сюань-юань Цюцзюэ, который нетерпеливо схватился за палочки, а, поглаживая свои гладкие черные волосы, устремил взор в окно. Его глаза, холодные, как падающий зимний снег, в этот момент блеснули хитринкой.

Фейерверки по-прежнему расцветали в небе подобно пышным цветам, озаряя ночную тьму. Бледная луна, меркнувшая на их фоне, продолжала свою работу — как и тысячи лет назад, она висела высоко в небе, бесстрастно взирая на людские радости, гнев, смех и проклятия. Луна молчала, а люди внизу, как всегда, шумели — точно так же, как и голоса, снова донесшиеся из Дворца Цаньцин.

— Можань, лапша немного остыла.

— ...

— Бульон такой прозрачный, как вода...

— ...

— ...Кажется, в бульоне плавает какой-то порошок.

— ...

— ...Можань, ты... ты не забыл ее «сварить»? Я имею в виду, не забыл ли ты поставить ее на огонь...

— ...

— Нет! Можань, не сердись! Ем... я, конечно, ем!

— Уа-а...!

— Можань! Меня не тошнит... правда! И я не выплевывал тайком... Можань! Можань, не сердись... Что? Снова возвращаешься в Культ Демонов? Ты же был там в позапрошлом месяце... Можань, послушай меня, эта лапша очень вкусная! Правда... очень! Я сейчас же все съем, ни кусочка не оставлю, Можань, Можань...

Крики нынешнего императора разнеслись по всем закоулкам дворца. Евнухи, охранявшие Дворец Цаньцин, не могли сдержать смеха; двое из них, смеясь сильнее всех, даже схватились за животы и опустились на землю.

— Сяо Фу-цзы, как думаешь, император действительно ее съел?

— Судя по звукам, должен был съесть!

— А если император узнает, что та лапша, что была приготовлена, давно вылита в сточную канаву, а эту подменили по приказу Мо Гунцзы — что будет?

Представив гнев Сюань-юань Цюцзюэ, оба вздрогнули, мечтая зашить себе рты, а затем принялись утешать себя, хором вздыхая:

— Все это только потому, что император вернулся поздно!

Так, в лунную ночь под всполохи фейерверков, нынешний правитель династии Сюань, Сюань-юань Цюцзюэ, среди горестных криков и позывов к рвоте, съел самый незабываемый подарок на день рождения в своей жизни.

Спрашиваете, счастлив ли он?

Раз любимый Можань приготовил мне лапшу — конечно, я счастлив! — клянется Сюань-юань Цюцзюэ, ударяя себя в грудь. (Можань в это время сидит рядом с книгой и молча искоса поглядывает на него).

Вкусная ли лапша?

С самого рождения я не ел ничего вкуснее! — продолжает уверять Сюань-юань Цюцзюэ. (При ответе уголки его рта слегка подергиваются, а Можань, притворившись, что читает, едва заметно усмехается).

Конец

Экстра: Неоконченная история Уяна — Путешествие Уяна и похититель цветов

— Господин, пора вставать, вставайте... уже поздно.

Сяо Чжао тихо звала Шэнь Вэйяна у кровати, но тот не подавал признаков жизни. Она чувствовала себя побежденной: господин становился все более сонливым и каждое утро не хотел подниматься.

Впрочем, так даже лучше, чем когда он не мог уснуть. Раньше она заходила и видела его сидящим у окна в оцепенении, с вечно бледным лицом — смотреть на это было больно. И по ночам она не решалась входить: как бы тихо она ни ступала, он сразу просыпался, словно испуганная птица, и только увидев ее, выдыхал. А сейчас — даже если она уронит чайную чашку, он лишь смутно приоткроет глаза и тут же снова закроет их, не пошевелившись.

Как говорит хозяин, его легко растить, совсем как поросенка. Но будить его каждое утро — настоящее мучение!

Сяо Чжао ничего не оставалось, кроме как легонько потрясти его:

— Господин, вставайте!

Шэнь Вэйян промычал что-то невнятное, перевернулся на другой бок и снова уснул.

Только она собралась позвать еще раз, как вошел Лин Фэйян и с улыбкой произнес:

— Дай ему еще немного поспать. Сходи проверь, все ли вещи собраны, а то в дороге опять чего-нибудь не найдем.

— Я еще вчера все приготовила, хозяин, можете не беспокоиться, — улыбнулась Сяо Чжао.

Лин Фэйян кивнул.

— Хозяину все же лучше разбудить господина, — добавила она, — а то завтрак снова остынет.

— Ничего страшного, если остынет — попрошу кухню приготовить новый, — ответил Лин Фэйян.

Пока они разговаривали, Шэнь Вэйян наконец открыл глаза:

— Чего вы с утра пораньше расшумелись? Уши вянут.

Увидев, что он проснулся, Лин Фэйян подошел и сел на край кровати:

— Утро? Ты посмотри, сколько уже времени. Раз проснулся — вставай.

Шэнь Вэйян лениво улыбнулся:

— У меня все равно дел нет, зачем вставать так рано?

Лин Фэйян накинул на него одежду:

— Сегодня у тебя есть дела, так что пора. Не говори, что забыл.

Шэнь Вэйян улыбнулся и действительно ответил:

— А я ведь правда забыл!

Лин Фэйян отчетливо увидел в его глазах хитрый огонек и не удержался, чтобы не ущипнуть его за щеку:

— Перестань притворяться. Даже если забыл — все равно придется садиться на корабль, так что не строй козней.

— Ты такой властный, — засмеялся Шэнь Вэйян. — Зачем обязательно тащить меня с собой?

Что это значит?

Этот разговор повторялся уже бесчисленное количество раз. Лин Фэйян искренне не понимал, от чего именно прячется Шэнь Вэйян. Неужели, прожив в этом месте три или четыре года, он действительно не хочет выбраться наружу?

Но стоило спросить, как Шэнь Вэйян тут же отшучивался и переводил тему.

Лин Фэйян вздохнул:

— Вэйян, чего ты боишься? Что плохого в том, чтобы прогуляться? Ты еще сможешь повидать старых друзей.

Шэнь Вэйян сам был готов вздохнуть: этот Лин Фэйян был совсем как чурбан. Он даже не думал о том, что сам Шэнь Вэйян — изгнанный ученик горы Хуашань. Было бы еще куда ни шло, если бы все думали, что он мертв, а теперь он едет вместе с главой восемнадцати ярусов — какая тут будет репутация? К чему давать людям повод для сплетен?

А что касается друзей — так их и вовсе незачем видеть.

Впрочем, Фэйян вряд ли додумался до такого. Теперь, когда его сердце открылось, а застарелые обиды были забыты, он, естественно, хотел показать всему миру, что Шэнь Вэйян принадлежит ему.

Шэнь Вэйян вздохнул — вот почему он и согласился поехать, от этого все равно никуда не деться.

Он собрался с духом и сказал:

— Да чего мне бояться? Я же просто шучу. Ладно, я встаю.

Лин Фэйян окинул его взглядом, не стал допытываться, а только помог одеться:

— Быстрее ешь завтрак, и отправимся в путь.

Шэнь Вэйян кивнул. Сяо Чжао уже пришла прислуживать. Лин Фэйян хотел было выделить еще пару человек в помощь, но Вэйян отказался, сказав, что от лишних людей только шум и суета.

После завтрака они вдвоем поднялись на корабль. Вслед за ними двинулась целая флотилия: три больших корабля в сопровождении множества судов поменьше подняли паруса и

направились в сторону столицы.

Шэнь Вэйян, завернутый в белоснежную лисью накидку, стоял на носу корабля и смотрел назад. Он с усмешкой сказал Лин Фэйяну:

— Лин-цзяочжу, какой размах! Прямо как император в путешествии.

Лин Фэйян нахмурился:

— Мне самому это не нравится, но они настояли на том, чтобы ехать с нами.

Затем, что-то вспомнив, добавил:

— Ты просто не обращай на них внимания.

Шэнь Вэйян с удивлением посмотрел на него и невольно рассмеялся: иногда этот человек по-настоящему его удивлял.

Стоя на носу, он вдыхал прохладный ветер, чувствуя необычайную легкость. «Может быть», — подумал он, — «эта поездка будет не такой уж плохой».

Он невзначай спросил:

— Где мы остановимся в первый раз?

— В Сучжоу! — ответил Лин Фэйян.

□□□

Сучжоу оказался прекрасным местом.

— Столько лет здесь не был, а он стал еще краше, — улыбнулся Вэйян.

Он когда-то странствовал по Сучжоу и знал, что это удивительный край, но, вернувшись сюда спустя годы, испытал новые чувства.

Лин Фэйян посмотрел на него:

— Пробудем здесь три дня, а потом двинемся дальше. Куда хочешь сходить? Я составлю тебе

компанию.

Шэнь Вэйян оглянулся на сопровождающих, подошел ближе и прошептал:

— Было бы здорово, если бы никто не ходил за нами. Я здесь знаю все дороги, поведу тебя куда захочешь. Только мы вдвоем — какая радость, если эта толпа будет тащиться следом?

Лин Фэйян заколебался:

— Если я скажу, что мы пойдем вдвоем, они начнут шуметь, будет очень раздражать. Нет ничего страшного в том, что они с нами, просто сделай вид, что их нет.

Шэнь Вэйян поморщился:

— Как это — сделать вид, что их нет? Я же не слепой. Совсем неинтересно. Не обязательно им говорить, просто сбежим тайком. Твое искусство легких шагов лучшее в мире, нам не составит труда улизнуть на день, а потом вернуться. Что случится?

Лин Фэйян молчал, погрузившись в раздумья.

— Ты сегодня стал таким нерешительным, — заметил Шэнь Вэйян, — а ведь обычно такой властный.

Лин Фэйян рассмеялся:

— Глупости болтаешь. Я просто беспокоюсь о твоём здоровье, вдруг что случится?

— Посмотри на меня, — улыбнулся Шэнь Вэйян. — Разве я не выгляжу здоровым? Ем, сплю, о чем беспокоиться? К тому же, твоё мастерство так велико, что кто посмеет к нам пристать?

Лин Фэйян, давно мечтавший об уединенной прогулке с Вэйяном, поддался на его уговоры. Шэнь Вэйян был вне себя от радости.

Глядя на него, он думал: спустя столько лет они снова могут гулять, держась за руки. Пусть все изменилось, но это стоило того, чтобы радоваться. Сколько же трудностей им пришлось преодолеть, чтобы настало это время! Оба они настрадались и потратили так много лет впустую, теперь нужно было беречь каждый миг.

Шэнь Вэйян невольно придвинулся и прислонился к плечу Лин Фэйяна.

Тот на мгновение замер, но ничего не сказал, лишь бережно обнял его.

На следующее утро Шэнь Вэйян, взбудораженный вчерашними планами, на удивление не стал валяться в постели. Он рано встал, поторопил Лин Фэйяна с завтраком, и двое влюбленных, улучив момент, тайком ускользнули из лагеря.

Мастерство Лин Фэйяна позволило им проделать это незаметно для окружающих.

Шэнь Вэйян был на седьмом небе от счастья. Он таскал Лин Фэйяна по самым шумным улицам города Сучжоу, наслаждаясь свободой без навязчивых охранников.

<http://bllate.org/book/21159/2144490>